

Борис ВАСИЛЬЕВ

Непобедимая и легендарная

Я родился в Красной Армии. Это не преувеличение, не поэтический образ, а реальность воспоминаний. Я помню отца, перетянутого двойной кавалерийской портупеей, с шашкой на левом боку и наганом на правом, которого я встречал ежедневно в семь вечера, когда он возвращался из полка. Я помню его коновода Гришу, который сажал меня в освободившееся отцовское седло и позволял шагом выехать со двора, а потом ссаживал, и я бегом бежал к дому. Я слышу звон шпор, ощущаю запах ружейного масла и боль отдачи в плече от отцовского наградного винчестера, из которого я впервые выстрелил в восемь лет.

чудаков, своих высоких шефов-покровителей, свои особые жалованные трубы, значки и штандарты. Это превращало полк в семью, а дальновидный командир через офицерское собрание превращал в семью офицеров, где все было важным, даже выбор невесты для сослуживца.

А есть ли у нас полки, в которых найдутся восторженные певцы полковой истории как писаной, так, что важнее, и неписаной? Не убежден, все задавил привычный официзм: комнаты Славы, боевые маршруты, диаграммы, портреты. Все это, безусловно, необходимо, только индивидуальность рождается не из общего, а из частного. Из легенд, тайн, неофициальных воспоминаний, анекдотов, фантазий и тому подобного. А какие уж тут фантазии, когда в нашей армии и доселе почему-то сохраняются французские воинские звания. Лейтенант, сержант. А почему не поручик и унтер-офицер, как было в российской армии, как есть во всех армиях славянских государств? Либо забыли, либо вообще не знают об этом. Скорее первое, ибо уж чему-чему, а забывать нас Советская власть научила.

Красная Армия, первое передаточное звено от армии царской к армии современной, потерпела сокрушительное поражение от коммунистического террора накануне Великой Отечественной войны в 1937 — 1938 гг., потеряв практически весь высший командный состав, и тем не менее исполнила свой воинский долг. Это ведь она, Красная Армия, мучительно отступая от Бреста до Москвы, легла костями, выгрызая время для строительства Советской Армии. И как ни странно, Геббельс был совершенно прав, во всеуслышание объявив о ее полном разгроме. Он только не учел, что Красная Армия, погибая в подмосковных снегах, дала возможность родиться своей преемнице — Армии Советской. Могила Неизвестного солдата — это ведь памятник Красной Армии. Это перед нею, перед Красной Армией, склоняет головы каждое новое поколение, все мы и главы всех государств, прибывающих в Москву.

Слава ей, непобедимой и легендарной. Она с честью исполнила свой долг.

Фото
Анатолия ЯКУШЕВА.

Отец служил в трех армиях и прошел три войны: 1-ю мировую в царской армии, гражданскую в Красной и Великую Отечественную в Советской. Детство мое и первые годы службы прошли в Красной Армии, учеба в военной академии — в Советской, а о царской мне кое-что рассказал отец, и я хочу разобраться и понять, что мы приобрели, а что утратили, последовательно переходя от армии к армии и дойдя наконец-таки до армии русской, переживающей сейчас трудный этап не только становления, но и осмысления. И начну с царской, поскольку наши военные корни все-таки оттуда.

Миф о богатстве "золотопогонников", столь популярный в моем детстве, не имеет под собой никакой реальной основы: состоятельные юноши шли в элитные части, в армию же поступали отнюдь не князья Оболенские. А офицер в царской армии не получал никакого казенного обмундирования, а приобретал его за собственные деньги. Если учесть три обязательных комплекта: повседневный, полевой и парадный, соответствующую им амуницию, обязательные лаковые перчатки и прочую мелочь, то субалтерн-офицеры (первая офицерская должность) и даже командиры рот не сводили концов с концами при условии, что завтракали булкой с чаем, а ужинали через день. По свидетельству историка П. Зайончковского, субалтерн-офицеру (подпоручику) не хватало в месяц 10 руб., а командиру роты 4, почему офицер в те времена получал согласие командира полка на женитьбу только по достижении им должности командира батальона. Очень продуманная традиция, над которой не худо поразмышлять, учитывая, как обставилось само командирское согласие.

Для того чтобы его получить, офицер обязан был привести свою избранницу в назначенный день в Офицерское собрание полка. Там он представлял ее командиру, полковому товарищам и присутствующим дамам. С нею мило беседовали, командир полка приглашал ее на тур вальса, после чего ею усиленно занимались дамы. На следующий день потенциальный жених получал либо согласие командира, либо несогласие с обязательным объяснением причин. Русское офицерство строго блюло кастовость даже в

мелочах. Так, после службы все офицеры обязаны были обращаться друг к другу только по имени-отчеству и только на "вы": никакого панибратства не допускалось, но ведь и полковника звали вне службы просто Иваном Петровичем. Это спланивало офицерский состав, рождало ощущение "своего" полка, офицерской семьи, товарищества, почему и изгнание из полка — такое случалось — переживалось провинившимся очень болезненно, а порою означало вообще конец военной карьеры.

За что полагалась столь суровая кара? Прежде всего за неисполнение честного слова, кому бы оно ни было дано. За оскорбление женщины и женского достоинства. За отказ от дуэли, которые посплудно существовали в армии вплоть до мировой войны. За шулерство за карточным столом и невыплату карточного долга. За воровство и жульничество, за дебош и скандал в публичном месте, а позднее по мере демократизации армии и за рукоприкладство.

Конечно, я перечислил далеко не все, что был обязан соблюдать русский офицер. Ну, к примеру, он не имел права заходить в трактиры, кабаки и третьеразрядные рестораны, кроме станционных, и курить на

улицах. Дело не в списке запретов, дело в том, что неукоснительное исполнение определенных, веками отлаженных правил и было в сущности офицерской честью, о которой сейчас так много и так путано говорят. Говорить-то можно — выучить нельзя, поскольку сейчас так много и так путано говорят. Говорить-то можно — выучить нельзя, поскольку сейчас так много и так путано говорят. Говорить-то можно — выучить нельзя, поскольку сейчас так много и так путано говорят.

Однако молодые командиры Красной Армии, неоднократно наблюдавшие проявления офицерской чести, пытались воскресить лучшее в своей среде. Домов офицеров тогда не существовало, по выходным молодежь часто собиралась у нас (отец был на редкость гостеприимен) выпить чайку, послушать романсы в отцовском исполнении, посмотреть, как танцует вальс, и поучиться ему. Я не помню, чтобы они хотя бы раз пили вино или водку, хотя бы раз сказали что-либо двусмысленное, не говоря уже о неприличностях. Нет. Они искренне хотели стать не просто такими же, как их вчерашние противники, — они мечтали стать лучше. Не успели: почти все

сподвижники отца по гражданской войне были уничтожены в годы озверелого антиармейского террора 1937 — 1938 гг. Их место заняли молодые, в подавляющем большинстве неволевавшие командиры, знающие об офицерстве лишь то, что рассказывала советская пропаганда: пьяницы, тусовщики, мародеры, палачи и т.п. Ниточка оборвалась, истинное представление о царской армии и офицерской чести исказилось до дешевой карикатуры, и замполиты всех рангов стали усиленно внедрять идею особой чести советского офицера, основой которой служило не разумное подчинение, но слепое послушание, иерархическое неравенство. В офицерском корпусе исчезло товарищество, чувство своего полка, право после службы видеть в вышестоящем просто старшего по возрасту, а отнюдь не старшего по званию, что неизбежно привело к расслоению в офицерской среде сообразно с количеством просветов на погонах, чего никогда не было и быть не могло в царской армии. Надутая чопорность всегда бросается в глаза, всегда смешна и нелепа. И я вспоминаю вечер в военном городке под Миллерово, когда к отцу подошел молодой взводный.

— Вечер добрый, Лев Александрович. Тут такое дело, мать у меня померла.

— Примите мои соболезнования, Степан Иванович. Передайте эскадронному, что я отпущаю вас на неделю. И пусть озаботится о венке от нашего полка.

Таковы были отношения среди красных командиров, бережно унаследованные ими от царской армии. И это при массовой полуграмотности и абсолютной нищете.

Ни у кого, решительно ни у кого не было не только мебели, но даже посуды. И у нас не было. При частых переездах из одной части в другую мы брали с собой три чемодана да два огромных ящика с книгами. Это было единственным излишеством, но книги наши были доступны всем желающим, потому что библиотек в военных городках я что-то не помню. А вот то, что в день приезда мы получали комплекты постельного белья, стандартную посуду и необходимую мебель с инвентарными номерами, помню отлично.

Так, может быть, реформировать армию следует не только снаружи, но и изнутри? Пора понять, что иерархическое расслоение не достоинство, а огромный недостаток всего офицерского корпуса, просто

обязанного стать единой семьей хотя бы в полках.

И еще несколько соображений. Все армии в Европе несут на себе его родимые пятна, и это данность, которую следует учитывать. Это и особая форма, и любовь к парадным, и чинопочитание в разумном проявлении, и чувство личной ответственности, и многое другое. Офицеры требуют особого внимания и особого уважения, что вполне естественно, учитывая данную ими присягу, исполнять которую они обязаны, не щадя собственной жизни, но всемерно щадя жизни своих солдат. И здесь огромную роль играют полки, представляющие собой не только замкнутые хозяйственные и культурные структуры, но и блоки, из которых строится вся армия.

У Наполеона были тридцатилетние маршалы и не было ни одного командира полка моложе пятидесяти, а уж он-то знал, кто лучше всех способен подготовить солдат и офицеров к боевым действиям. Русская армия это тоже понимала, и если в ней были похожие дивизии, то схожих полков не было, как не бывает схожих семей. Каждый полк имел свою историю, свои традиции, свои легенды, своих героев и